

Духоборы. Григорий Сковорода и духоборы. Молокане

Каретникова М. С. Русское богоискательство

Духоборы

Духоборчество— это движение сложное и неоднозначное в разные периоды своей долгой жизни, малоизученное, игнорируемое как православными, так и советскими историками. В официальных источниках оно упоминается с 1750 года, но сами духоборы ведут свою историю с раскола, т.е., с их точки зрения, движение имеет трехсотлетнюю историю, захватывающую XVII — XX века. Выступая в 1966 году на одном из международных миротворческих форумов, посвященном вопросам разоружения, руководитель духоборов Иван Веригин (Канада) называет именно эту цифру — 300 лет: «Как духоборцы, которые вышли из среды русского народа, и на протяжении 300 лет своей истории строго следили за духовным послушанием учению Христа, мы можем сказать, что нас не удивляет то, что совершается в мире сегодня, ибо Иисус Христос предсказал, что все это будет...»

Имеют ли духоборы историческое обоснование этому утверждению? Ведь триста лет охватывают весь тот период времени, который начался непосредственно после Великого раскола 1666 года. Тогда не было еще духоборов, но существовало чрезвычайно родственное им движение духовных христиан, которое в середине XVIII века определилось в секту духоборов. Сами же Духовные христиане вышли из секты Божьих людей, первой секты на почве православия. Таким образом, говорить о трехсотлетней истории духоборчества правомочно, если рассматривать его в связи и в преемственности с другими религиозными движениями после раскола, потому что их идеи преимущественно развивались в одном направлении; это были идеи рационалистические, если можно так говорить о горячей вере в Иисуса, единого Посредника между Богом и человеком и о признании необходимости покаяния перед Богом.

Духоборчество можно назвать чистым чудом в русской жизни. После раскола общество все более отчуждалось и от официальной церкви, и от Бога. Неверие, скептицизм характеризовали эпоху Петра I и Екатерины II.

Общество искало иных идеалов и находило их в социальной области. Церковь после раскола потеряла власть над душами людей, и Петру I не составляло особого труда ликвидировать в 1721 году патриаршество и превратить церковь в винтик государственной машины. С образованием Синода и введением должности обер-прокурора или «ока государева» над ним (Синодом) церковь в России теряет всякую независимость и самостоятельность, сливаясь с государством. Для вольнодумцев XVIII века, демократов XIX века и революционеров XIX — XX веков она становится таким же олицетворением лжи и насилия, как и самодержавие. Трагическая ситуация.

И вот на этом мрачном фоне безбожия сияет любовь к Господу, жизнь в

послушании Ему, стремление к духовной близости с Ним — и это в преследуемых и гонимых русских сектах, главнейшей из которых являются духоборы. Несколько слов об их предшественниках.

Божьи люди. Эта секта возникла в середине XVII века среди простого народа во Владимирских, Костромских землях и на Тамбовщине. Верующие, удрученные «порухенной церковью», лишённые света Божиего Слова, искали непосредственного, духовного достижения Бога для спасения от погрязшего во грехах мира. «Святому Духу верьте!» — призывали они, и для них отпадала нужда и в таинствах, и в церковной иерархии;

они входили в общение с Богом, переживая экстаз от «вселения Христа» в них. Эти люди вышли из православия, но не отошли от него, потому что их опыт — это опыт монашеского исихазма, особой техники молитвы с непрерывным повторением слов «Иисус Христос, Сын Божий (на вдохе), помилуй меня грешного (на выдохе)», сопровождаемых ритмичным дыханием, и аскетического образа жизни. Целью Божьих людей было ощутить «озарение», свет в теле, «духовную радость».

Этот мистический путь был первым для тех, кто, выйдя из церкви, решил жить без священников — т.е. для беспоповцев. Они называли себя «Божьими людьми», буквально людьми для Бога на земле, но в народе их пренебрежительно прозвали «христовщиной». С исторической точки зрения, подобные мистические направления были всегда частью христианского опыта, особенно среди людей малообразованных, не имеющих возможности основываться на Слове Божиим и воспринимать его откровения.

Среди Божьих людей скоро нашлись такие, которые хотели не только познавать Бога с помощью чувств и мистически, но и угождать Ему, служить Ему «чистой совестью». Это были Духовные христиане. Они считали, что Богу нужно поклоняться не только «духом», но и «истиной». В таком виде они восприняли где-то услышанные слова «поклоняться в духе и истине». «Закон сделан для беззаконников, — говорили они, — а поклоняться Богу надо духом и истиной». Эти слова они понимали так, что надо доверять не внешнему закону, а внутреннему закону разума и совести человека.

Духовные христиане были убеждены в том, что они проповедуют христианство апостольских времен, очищают «дух и истину» от мертвящих наслоений внешней обрядности и ритуала. Они видели истину во взаимопомощи и общности имения: «Людям надлежит имение иметь общее и друг другу безвозбранно давать, потому что они — братья». Они видели истину в том, чтобы брат чтит брата, ибо в этом почитании он воздаёт хвалу Богу, живущему в сердце этого брата. Духовное христианство явилось переходом от «христовщины» с её аскетизмом и экстазом к духоборчеству с его жаждой чистой и святой жизни, жизни по разуму и совести.

Преимуществом духоборов было их гораздо более близкое знакомство с Библией: в 1751 году выходит в свет Петровско-Елизаветинская Библия. Это было важным событием в русской жизни! После раскола среди руководителей

православной церкви царил страх перед новым изданием Библии. Они не подчинились указу Петра I об издании Библии, а затем и указу Анны Иоанновны, и указу Елизаветы: не знали, с какого текста печатать, какие исправления вносить, и не приведут ли эти исправления к новой беде.

Факт издания Библии „а спустя всего три года — ее второго издания (на славянском языке, но приближенном к разговорному) сыграл важную роль в развитии духоборчества и духовного толкования духоборами Писаний. Возглавили это движение люди, начитанные в Писании, любящие рассуждать о делах веры, пытливые и разумные. Возможно, именно поэтому историки и официальные источники относят возникновение духоборчества к 1750-м годам, хотя многие характерные для духоборов черты сложились в предыдущем столетии: сторонники этого движения верили, что в них обитает Христос, доверяли внутреннему закону разума и совести, чтити друг друга глубоким поклоном, кланяясь Святому Духу, живущему в верующих (а больше не кланялись никому, никаким властям, за что много страдали). Они также, как и Духовные христиане, имели общее имущество и бескорыстно помогали друг другу. Но этим духоборчество не исчерпывалось.

Силуан Колесников, первый руководитель общины духоборов, организовал ее в селе Никольском Екатеринославской губернии, на юге Украины. Это был человек незаурядного ума, большой начитанности: он знал Слово Божие, был знаком с учениями протестантских сект в Западной Европе и с сочинениями мистиков. Он сумел по-новому и глубоко осмыслить многое в опыте русских сект, существовавших ранее. В то время духоборчество быстро распространялось, возникали новые общины. Они привлекали людей как своей верой, так и своей жизнью: духоборы верили, что, живя по Духу, они борются со всякой силой тьмы и всяким насилием, самым главным они считали внутренний духовный рост человека. Своей жизнью духоборы возвещали людям, что есть новая, истинная жизнь и будет новое небо и новая земля. Они связывали воедино Божию благодать в сердце и совершенствование внутреннего человека: «Если мы не будем сердиться, — учили они, — то этим самым мы уже молимся и поклоняемся Богу смиренным духом, тогда и благодать Божия пребывает в сердцах наших... В незлобивом сердце и разум человека светлее солнца, именно — рай, а во гневе — ад». Горящая вера, «неразоримая совесть», бодрость духа — эти качества привлекали к духоборам окружающих людей, в это время в них был силен миссионерский дух, желание свидетельствовать об истине, которая изменяет повседневную жизнь и облик человека.

Благодаря высоким духовным качествам Силуана Колесникова и долгому времени его пасторства (двадцать пять лет, до самой смерти) духоборы чрезвычайно ценили своих руководителей, они считали их людьми «свыше разумом», которые прорекуют людям истину и тем подкрепляют жизнь среди людей. Под «истиной» разумелось Слово Божие, и велик был авторитет руководителей, передающих это Слово. Вспомним, что массы народа покинули в XVII веке официальную церковь именно за нерадение,

жестокость, равнодушие и низкий моральный уровень духовных «пастырей». Вспомним, что уже во времена стригольников в XIV веке высоко ценились «книжные», то есть начитанные в Писании, нестяжательные и учительные руководители. Богоискательство было неразрывно связано с поиском людей, которые являли бы собою Христа. Поэтому и духоборы предъявляли к руководителю высокие требования: он должен был проповедовать другим только то Слово, которое сам пережил и перечувствовал внутренне! Чисто интеллектуальные знания, не растворенные верою, просто не признавались. Ведь задачей духовного пастыря было «являть своею беседою заблудшему его заблуждение, привести ум его в чистое ведение и сердце — в искреннее раскаяние». Священнослужитель, который сам не имеет «внутреннего света», не может вести другого ко спасению — таково было убеждение духоборов. Они имели такое сильное отвращение ко всей внешней стороне религии, что отрицали не только ее обрядовую сторону, но даже и письменное выражение истины, считая действительной только изустную передачу истины, познанной говорящим. «Напишите во сердцах, возвестите во устах», — говорили они. Духоборы признавали божественное происхождение Библии, верили, что Слово Божие — это единственный источник веры и спасения, но только тогда, когда это Слово живет в человеке, когда Бог познается по опыту, через вдохновение свыше, объясняющее человеку Священное Писание.

Главнейшей характеристикой духоборчества как направления было то, что они перевели все видимые формы богочитания в невидимые: крещение производится Словом Божиим, когда человек отрекается от себя и вверяет себя Богу. Исповедь — это сокрушение сердца перед Богом. Причастие происходит мысленно, через веру в жертву Христа. Церковь — невидима, она состоит из людей, которые призваны Богом, руководствуются «внутренним светом», стараются «засеменяться добром».

Таким образом, можно сказать, что духоборы в полной мере восполнили то, чего так не хватало в иерархическом устройстве и обрядовом богослужении в официальной церкви. На первое место они поставили сердечную веру, а во взаимоотношениях — равенство и взаимное уважение, как в социальном плане, так и в семейном. Они верили, что они являются храмом Божиим и имеют в себе присутствие Троицы. То, что они приветствовали друг друга глубоким поклоном, кланяясь не человеку, а Духу Святому, живущему в нем, и больше не кланялись никому, чрезвычайно беспокоило православное духовенство. В 1792 году митрополит Гавриил писал о духоборах: «Сии их умствования есть умствования анабаптистов. Сколь они опасны, открывает история XVI века, когда Фома Мюнцер вредные для правительства заключения сделал. Такие мысли тем опасны, что для крестьян могут быть лестны: сие изведала Германия». Это высказывание чрезвычайно типично для официального православия: непременно найти какую-нибудь «западную порчу» в русском уме, и дальше совершенно не заботиться о том, что явления совершенно непохожи друг на друга. Духоборы и не слыхивали об анабаптистах, и сами не имели ничего общего с

перекрещенцами, да и крещение понимали чисто духовно. Если что и было общего между анабаптистами и духоборами, так это быстрое их распространение в самом начале возникновения. Духоборчество в короткое время распространилось по Екатеринославской губернии и дальше — по Харьковской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Астраханской, Пензенской губерниям, между Донским казачеством и даже в Сибири и Финляндии. Распространению духоборчества во многом способствовала их тихая, трезвая, праведная жизнь. «Любя ближнего, мы осуществляем любовь к Богу. Мы разумеем, что человек, усваивая любовь, приобретает Бога в сердце своем. Отсюда выводятся взгляды на все окружающее, на всю жизнь — сострадательный, покровительственный, любовный», — так писал последний руководитель духоборов Петр Веригин, так считали и первые из них на сто пятьдесят лет раньше. «Прямодушные, честные, ласковые, с трогательной заботливостью хлопочущие о нуждах других, — так характеризовал их однажды председатель Государственной думы Н.А. Хомяков, живший среди них в 1877 году. ~ И какие работники! Рослые, сильные, стройные. Красавцы». Эта удивительная устойчивость религиозных и нравственных убеждений свидетельствует о том, что духоборчество — глубоко национальное явление. Это настоящее богоискательство, любовь к Богу и Его истине с готовностью исполнять божественные заповеди, а также с готовностью и постоять за свои убеждения.

Исторически русский период духоборчества можно разделить на три части, по пятьдесят лет каждый. Самое славное время — это время широкого его распространения и яростных преследований со стороны православия и самодержавия, 1750 — 1801 годы. С этим периодом связаны имена трех выдающихся организаторов и проповедников.

Силуан Колесников (село Никольское Екатеринославской губернии, возглавлял движение с 1750 по 1775 годы) — основатель вероучения духоборов, сформулировавший их основной догмат, определяющий духоборчество как борьбу Духа Святого, пребывающего в верующих, со всякой «силой, взятой из тьмы», со всяким насилием. Самым главным духоборы считали внутренний духовный рост человека и его совершенствование.

Илларион Побирохин (село Горелое Тамбовской губернии, 1775 — 1785 годы) тоже был выдающимся и оригинальным проповедником. Если Силуан Колесников стремился осмыслить в свете Божиего Слова учение не только русских сект, бывших до него (духовных христиан в особенности), но и учение западных мистиков, ищущих непосредственного общения с Богом, то Илларион Побирохин собрал в систему все, что бродило в умах русских сектантов многих толков. Именно он противопоставил слово устное — слову печатному, утверждая, что спасение идет от духа, оно — в книге «животной», т.е. в живой памяти, книге ненаписанной.

Уже в советские годы исследователь русского сектантства Бонч-Бруевич запишет из уст духоборов их «Животную книгу», в которой можно

видеть, как духоборы осмысливали те или иные библейские истины. Например, о первородном грехе: «Всяк, входящий в мир, пал уже прежде и имеет склонность к падению. Из света чистоты духа Бог изгнал человека в мир, как в темницу, и мы погружаемся в котел стихий, кипящих в нем. Но это и поприще испытания! В настоящем котле мира сего наш дух должен переочищаться в спирт чистый, вечный, лучше прежнего». Здесь тема грехопадения сочетается с любимой темой духоборов — «Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом» (Еф. 5:18). Или же с возрождением: «Мы сами грехами были мертвы, слепы, глухи, а Он (Христос) нас оживил и грехи простил, и дал нам заповедь».

Благодаря этой напечатанной «Животной книге» мы можем заглянуть во внутренний мир не только духоборов, но и в свой собственный! Случайность ли то, что русское протестантское богословие не отличается академичностью, но мы гораздо больше верим в живое Слово Евангелия и стремимся воплощать это Слово в жизни? Мы любим, когда кто-то «поделится с нами Словом», т.е. чем-то глубоко пережитым в сердце; «напишите во сердцах, возвестите во устах». Случайно ли, что мы ищем в пастыре не интеллектуальной учености, а примера в жизни и духовного наставника, много пережившего и лично передумавшего? Это все наши национальные корни! Илларион Побирохин сделал большое дело, собрав в систему мысли сектантов многих толков. Этим шагом он привлек их к духоборчеству и укоренил последнее на века, сделав духоборчество уникальным явлением русской жизни, сохраняющим свои высокие духовные идеалы во все эпохи официальной религиозной холодности, скептицизма, политического вольнодумства, революционных устремлений, народничества и большевизма. Поистине, они пошли «другим путем».

Около 1790 года место Побирохина занял энергичный проповедник и практик-организатор хозяйственной жизни духоборов — Савелий Капустин. Он ввел общность имущества и организовал помощь тем, кто в ней нуждался. Обе эти черты духоборчества сохранились и в современной жизни духоборов в Канаде. Хозяйственное устройство духоборов помогло им выжить в условиях преследований, но оно же послужило причиной их резкого обособления среди населения и прекращения прежнего быстрого роста и распространения. Большую роль в этом сыграло резко отрицательное отношение к ним правительства: в 1860-е годы духоборы из Тамбовской и Воронежской губерний были сосланы в крепость Азов. В 1799 году 31 человек из екатеринославских духоборов был сослан на Урал. Туда же сослали на вечные тяжелые работы в рудниках 34 духобора из Таврической губернии. Их заковали в цепи, били кнутами, истязали и целыми семьями ссылали на тяжелые работы.

Отношение к духоборам изменилось только при Александре I. В 1801 году в своем указе император писал: «...Все меры строгости, истощенные над духоборцами в продолжении тридцати лет до 1801 года, не только не истребили сей секты, но паче и паче приумножили число ее последователей».

Молодой царь вернулся к этому вопросу и в 1816 году: «Чтобы вернуть потерявшуюся овцу в стадо, нельзя действовать силою. Это совершенно противоположно учению Спасителя, Который пришел взыскать и спасти погибшее. Истинная вера есть труд и дело благодати и может быть внедрена в душу наставлением, кротостью и, прежде всего, добрым примером... Церковь не должна ни использовать, ни разрешать жестокость против заблудших. Это совершенно противно Духу ее божественного Главы... Только тогда они (духоборы) будут чувствовать, что они живут под прикрытием закона, имеют справедливость по отношению к себе, и тогда они будут чувствовать любовь и дружелюбие к своим властям» (6 декабря 1816 года).

Правительство приняло решение — переселить всех духоборов в одно место. Им отвели для поселения степные места Мелитопольского уезда на реке Молочной, там они образовали первую духоборческую колонию — Богдановку и очень хорошо устроились под руководством того же энергичного и хозяйственного Савелия Капустина. Переселившихся было около 4000 человек, им отведено было по 15 десятин на душу с освобождением от податей на пять лет и с выдачей от казны по сто рублей на семью для приобретения хозяйственного инвентаря.

Савелий Капустин организовал общественную кассу под названием «Сиротский дом» (в селе Терпение), установил обряды моления, брака, погребения и другие формы богослужения и начал подумывать о совершенном отделении от православного населения и образовании «духоборческого государства». Все это были черты деградации. По выражению Бонч-Бруевича, «обряд является непроходимой китайской стеной между внешним миром и духоборами». И надо заметить, что обряд стал таковым именно после высылки духоборов на поселение и хозяйственного их устройства в первой половине XIX века. Там духоборы утратили свой миссионерский дух, запретили смешанные браки и начали особенно сторониться раскольников других сект. Вспомним, что в XVIII веке они активно вбирали в свою среду сектантов многих толков, систематизируя мнения и взгляды.

Упадок внутренней, религиозной жизни выразился и внешне: бесконтрольная власть руководителей и над душами людей, и над общественной кассой привела к тому, что потомки Савелия Капустина начали пьянствовать, поступать настолько безнравственно и жестоко, что правительство вмешалось и в 1841 — 1845 годы переселило духоборов из Молочных Вод в Закавказье. Возможно, эти страницы их истории требуют более подробного анализа, потому что правительство было заинтересовано в изоляции духоборов, и в Закавказье эта изоляция усилилась: в Ахалцихском уезде, вдоль турецкой границы, было образовано 15 деревень переселенцев в окружении нерусского населения.

Жили они тихо, послушно отбывая повинности: в военное время они оказывали большую помощь русской армии, поставляя перевозочные средства. Некоторые духоборы стали богатыми промышленниками,

разъехались по окрестным губерниям, другие занялись промыслом, особенно извозом, так как почва в этих местах была непригодна для земледелия. Община от этого распадалась, и религиозный дух понижался. Однако есть и другие свидетельства о жизни духоборов в Закавказье: переселенцы жили в мире со своими мусульманскими соседями! Их кротость в отношении мусульман послужила сначала поводом к грабежу, потом — к озабоченной подозрительности, и наконец, к восхищению, одобрению, и сердечной дружбе. Так что не надо спешить с отрицательной оценкой религиозного состояния духоборов.

Одно нам известно точно — это то, как воспрял их дух при приближении террора (после убийства царя Александра II в 1881 году). Пришел указ, чтобы духоборы, которые никогда не воевали, заняли свое место в рядах русской армии. Духоборы были крайне озабочены. Они долго совещались о том, какой линии им придерживаться, и наконец, решили оказать внешнее послушание и взять оружие в руки, но никоим образом не использовать его против людей. Ружья и сабли должны были быть брошены на землю, так делали их отцы в прежних русских войнах. В то время руководителем духоборов был Петр Веригин, и властям стала известна его антивоенная настроенность. Его сослали в Архангельск.

Но он пользовался большим авторитетом среди духоборов, и его последователи были с ним в постоянной связи через специальных ходоков, путешествующих с этой целью между Кавказом и Архангельском. Только вообразите себе этот маршрут: Кавказ — Архангельск!

Путь духоборских ходоков проходил через Ясную Поляну, и здесь произошла их замечательная встреча со Львом Толстым. В Ясной Поляне духоборы нашли самый сердечный прием. Они описали Толстому свою историю, раскрыли свои принципы, и он принял все это с одобрением и симпатией. В этот день духоборы приобрели верного и могущественного союзника и защитника. В какой-то мере Толстой стал также и их учителем. Официальная докладная в Петербург гласит: «Пропаганда учения графа Толстого среди духоборов сильнее, чем что-либо другое. Именно ей должно быть приписано упорство этих сектантов в анархических чаяниях».

На Петра Веригина религиозные труды Толстого произвели сильное впечатление и принесли свои плоды; особенно это заметно в тех инструкциях, которые он давал своим последователям. Так, под влиянием идеи Толстого о непротивлении злу насилием Петр Веригин дал указание не только не пользоваться оружием, но и не носить его.

Старейшины назначили определенный день в июне 1895 года, когда все оружие должно быть сожжено. Губернатор Тифлиса, услышав, что среди духоборов наблюдаются какие-то волнения, послал офицера собрать старейшин и узнать, что происходит. Старейшины ответили: «Скажи губернатору, что мы стоим перед Большим, чем он, и поэтому не можем явиться перед ним по его приказу». Это неожиданное неповиновение

разъярило губернатора. Он немедленно послал сотню казаков, которые галопом помчались в Духоборье.

Они увидели гору догорающего оружия и толпу крестьян с женами и детьми вокруг. Казаки напали на них, круша всех немилосердно нагайками; били по лицам, плечам, головам, не разбирая ни старого, ни молодого, ни женщин, ни детей. Когда народ рассеялся, оставив за собой красное от крови поле с убитыми, офицеры направили казаков по избам. Здесь, в этих скромных крестьянских домах, они дали волю всем злым инстинктам человека, принеся в семьи ужас и страдания.

Затем последовали приказы властей, чтобы деревни были разрушены, фермы разорены, а люди отправлены в горы. Без имущества, оставив несобранный урожай, не имея перед собой никакого будущего, гонимые духоборы умирали: из 4000 погибло 1000 человек. И тогда развернулось движение в защиту духоборов.

Зарубежная демократическая печать (журнал «Работник» в Женеве) так отзывалась на избиение духоборов:

«Эта возмутительная история стоит того, чтобы на нее было обращено большее внимание. Она вскрывает нам тот страшный азиатский деспотизм, который совершенно немыслим в цивилизованной стране».

Толстовцы (Чертков и другие) во главе с самим Толстым развернули кампанию за облегчение участи духоборов, было распространено воззвание «Помогите!» Духоборы решили покинуть Россию: «Это не мать нам, а злая мачеха!»

В 1898 году было получено согласие правительства на выезд духоборов в Канаду. Им помогали английские и американские квакеры. Их помощь была не случайной:

квакеры со своим учением о «внутреннем свете» в каждом человеке и полным отказом от обрядности в своих общинах чувствовали духовное родство с духоборами.

Лев Толстой отдал духоборам весь свой гонорар за роман «Воскресение». В 1898 — 1899 годах семь с половиной тысяч духоборов отправились в Канаду.

Их злоключения на этом не кончились: по дороге среди них вспыхнула эпидемия, они вынуждены были высадиться на Кипре для карантина, пока эпидемия не пройдет, и там были новые жертвы. А по прибытии в Канаду их ждали новые переживания. Духоборы чрезвычайно дорожили своим общинным устройством, общностью имущества и землевладения, а канадским властям это казалось очень странным, и они стремились разбить общину на индивидуальных фермеров, чему духоборы отчаянно сопротивлялись, пока не получили желаемого. «Духобория» превратилась в своего рода резервацию, со своей культурой, обычаями, обрядами, одеждой, своими песнями, представляющими интерес для этнографов. И все же

история духоборов на этом не кончается. Часть их хочет вернуться на историческую родину, в места, связанные с именем Толстого, их наставника и помощника, ставшего невольной причиной их трагедии.

Самого же Льва Толстого все эти ужасные переживания подвигли на первое в русской истории требование свободы совести. В 1901 году он написал царю открытое письмо со следующими требованиями:

Уничтожить всякие ограничения религиозной свободы. Для этого необходимо:

- 1) упразднить все законы, по которым отпадение от православной церкви считается преступлением;
- 2) разрешить открыть храмы и церкви староверов, а также молитвенные дома баптистов, молокан, штундистов и др.;
- 3) разрешить собрания и проповедь всем деноминациям;
- 4) не удерживать верующих от воспитания своих детей в той вере, какую они считают истинной.

Эти требования сопровождались доводами:

- 1) религиозные преследования не только не достигают цели, но производят обратный результат — укрепление того, что намеревались разрушить;
- 2) вмешательство правительства в область веры производит худший из пороков — лицемерие;
- 3) единство ни в коей мере не достигается насильственным удержанием всех людей во внешнем вероисповедании, но только лишь свободным движением общества к правде.

Во все это твердо верим и мы. Толстой бесстрашно выразил требования народа в нужный час.

Григорий Сковорода и духоборы

Григорий Сковорода (1722 — 1794) — великий украинский философ-гуманист и просветитель, выдающийся поэт XVIII века. Так он характеризуется в академических изданиях его произведений. Но он сам пренебрег высоким положением ученого и философа, которое мог по праву занять, и избрал иной путь: двадцать пять лет своей жизни он провел в странствиях с одной флейточкой и Библией в руках. Биограф пишет о нем: «Страсть его была — жить в крестьянском кругу; любил он переходить из слободы в слободу, из села в село, из хутора в хутор; везде и всеми был встречаем и провожаем с любовью, у всех был он свой. Хозяин дома, когда он входил, прежде всего всматривался, не нужно ли было что-либо поправить, почистить, переменить в его одеянии и обуви: все то немедленно и делалось. Жители тех особенно слобод и хуторов, где он чаще и долее оставался, любили его, как родного. Он отдавал им все, что

имел: не золото и серебро, а добрые советы, увещевания, наставления, дружеские попреки за несогласия, неправду, нетрезвость, недобросовестность» (Лубяновский Ф.П. Воспоминания. Т. 1. Киев, 1872. С. 106-107). Он никогда не проявлял желания жить лучше, а воспитывал в себе стремление совершенствоваться, быть неприхотливым в удовлетворении материальных нужд.

Григорий Сковорода был чрезвычайно популярен среди крестьян, которым преимущественно и адресовано его творчество и его слово, очень высоко ценили его и духоборы, особенно поэзию, в которой они находили выражение своих религиозных взглядов:

Не красна долготою,
Но красна добротою,
Как песнь, так и жизнь.
Что семь я, наконец?
Я храмом Божьим слыггь,
И камнем, и жрецом,
И жертвой должен быть.
В нас сердце есть алтарь,
А воля — жертва есть,
Священник в нас — душа,
Чтоб волю в дар принести.

Именно Григорию Сковороде духоборы доверили составить изложение своего вероисповедания, и, как мы увидим, в их религиозных взглядах было много общих моментов. Григорий Сковорода никогда не принадлежал к самой общине духоборов, не потому, что их взгляды существенно различались, но потому, что он вообще чрезвычайно скептически относился ко всему, похожему на сектантство: «Всякая секта, — говорил он, — пахнет собственностью, а где собственномудрие, тут нет главной цели или главной мудрости... Любовь к ближнему не имеет никакой секты: на ней весь закон и пророки висят. Закон природы, как самонужнейший для блага человеческого, есть всеобщий и напечатлен на сердце каждого, дан всякому существу, даже последней песчинке. Благодарение Всеблаженному Богу, что трудное сделал ненужным, а нужное — нетрудным!»

Видимо, уже при жизни Григория Сковороды у духоборов были тенденции к замыканию в самих себе. А для Григория главным смыслом жизни было благовестие, в котором он видел любовь к ближнему; именно за это крестьяне и любили его, странствующего проповедника с флейтой и Библией.

Общего у Григория Сковороды с духоборами было так много, что, в известном смысле, его можно назвать богословом духоборчества как религиозного движения. Подобно духоборам, он отрицательно относился к существующей официальной церкви с ее иерархией и обрядовостью, с ее властолюбивыми и безнравственными служителями, — эти идеи проходят сквозь все русские протестантские направления. Но главное, что отвращало Григория Сковороду от церкви, — это ее учение о Боге как грозной и карающей силе, противопоставленной народу, как и сама церковь. Общим с

духоборами у Григория Сковороды было отношение к Библии: «Библия, — писал он, — есть символический мир, затем, что в ней собраны небесных, земных и преисподних тварей фигуры, дабы они были монументами, ведущими мысль нашу в понятие вечной природы, утаенной в тленной так, как рисунок в красках своих». Подобно духоборам, Григорий Сковорода открывал иносказательное, духовное значение реальных событий, описываемых в Ветхом (преимущественно) и Новом Завете. Это делалось в противовес церковному отношению к Писанию как к «букве», форме, ритуально застывшей. Это был интенсивный поиск, стремление достичь Бога и понять Слово Его, потому что была вера: «Библия ничего не говорит, что не касалось бы человека». Это совершенно новый взгляд на боговдохновенность Библии, которая есть Слово Бога, касающееся жизни и духа человека, написанное для человека, простирающееся к нему и возносящее его к Богу.

Стремление видеть духовный смысл в реальных событиях Библии является заметной характеристикой и евангельского богословия. Мы говорим о мире, как о «Египте», из которого Господь вывел нас, о собственной жизни до обращения к Богу мы говорим, как о «странствии в пустыне», относительно истории Давида и Голиафа мы спрашиваем себя: кто или что является нашим Голиафом, иными словами, что или кто устрашает нас, превосходя наши человеческие силы. Это библейское богословие, поддержанное самой Библией, полной символов: медный змей, гора Синай, гора Сион, гора Голгофа, притчи Иисуса и многие из Его чудес, все Откровение...

Духоборы и Григорий Сковорода, сильный и талантливый выразитель их идей, имели свой особенный взгляд на плотского человека и его «второе рождение» — рождение от Духа Божьего. Вот как это выражено у Григория Сковороды: сотворение человека «бывает не тогда, когда содомский человек из плоти и крови и будто из брения и грязи горшок, зиждется, слепливается, образуется, изваяется, стоит, ходит, сидит, машет; очи, уши, ноздри имеет, шевелится и красуется, как обезьяна, болтает и велеречит, как римская Цитерия, чувствует, как кумир, мудрствует, как идол, осязает, как преисподний крот, щупает, как безокий, гордится, как безумный, изменяется, как луна, беспокоится, как сатана, паучится, как паучина, алчен, как пес, жаден, как водная болезнь, лукав, как змий, ласков, как крокодил, постоянен, как море, верный, как ветер, надежный, как лед, рассыпчив, как прах, исчезает, как сон... Сей всяк человек ложный: сень, тьма, пар, тлень, сон.

Когда же бывает прямое сотворение человеку? Тогда, когда второе рождение. Не дивись сей славе и сему слову: "Подобает вам родиться свыше..." ...Духовный же человек есть свободен. В высоту, в глубину, в широту летает беспредельно. Провидит отдаленное, презирает сокровенное, заглядывает в прежде бывшее, проникает в будущее, шествует по лицу океана, входит дверьми запертыми. Очи его голубиные, орлие крылья, оленья проворность, львиная дерзость, горлицына верность, ягненково незлобие, быстрота соколя, журавля бодрость... Господи! Сей ли есть человек оный, какого Ты помнишь, поставив его над делами Рук Твоих? Люба Тебе память Праведника Сего. Хочешь положить и на наше сердце имя и память Его. Сего ради низвел Ты Его

пред очи наши, одетого в болваняющую кожу нашу...»

Здесь показаны Христос как второй Адам и люди, рожденные от Духа Христова, преображающиеся в облик Его, «будто светозарная искра в кремешке».

Украинский благовестник имел свой взгляд и на то, как побуждать волю плотского человека возжелать духовного рождения: он, как и духоборы, почитал лишь живое слово проповеди и поучения, обращенное прямо к слушателю. Он верил, что «семя благой воли мало-помалу, без препятствий возросши» приводит к тому, что человек самовольно и доброхотно делает все то, что свято и угодно пред Богом и человеками.

Григорий Сковорода не пугал Богом, но привлекал сердца людей к Нему, Блаженному, тем, что показывал:

Бог хочет только счастья для человека: «Нет слаще для человека и нет нужнее, как счастье; нет же ничего и легче его... Царствие Божие внутри нас. Счастье в сердце, сердце в любви, любовь же в законе Вечного».

Григорий Сковорода умел убеждать людей: «Все, что бежит от тебя прочь, знай, что оно чуждое, и не почитай за твое, все то странное есть и лишнее. Одно только для тебя нужное, одно же только и благое, и легкое, а прочее все — труд и болезни. Что же есть оное едино? — Бог. Вся тварь есть рухлядь...»

Он побуждал крестьян к размышлению над Словом Божиим: нужно мало читать, но много «жевать», как жвачные животные, которые считаются «чистыми». Следует вникать в таинственный смысл Библии, чтобы извлечь из ее рассказов и притчей полезное и поучительное знание.

Через этого чудного благовестника до крестьян доходил непрерывный зов с неба: «Не мешкай на содомских сих улицах, но проходи, не задумываясь на них. Ведь Библия не к сим улицам, а только через сии улицы ведет тебя в горние страны и чистый край. Библии нет нужды до брюха, до нижнего сего нашего бога; она вся в Вышнем Боге. Библия есть Пасха — проход, переход, исход и вход!» Так писал Сковорода в «Книжечке о чтении Священного Писания».

В своих многочисленных трактатах, диалогах и притчах этот украинский богослов дает как бы духовный комментарий к Библии, который сводится в основном к тому, что в Боге, и только в Нем — источник непрекращающегося счастья человека. Григорий Сковорода благовествовал людям Божие благоволение и счастье иметь Бога Царем своего сердца. Он и сам живым примером, своею жизнью являл народу счастливого человека, человека молитвы, веры и светлого разума, а также человека, положившего жизнь на изучение, разумение и проповедь Библии как Слова Божиего. Это отличало его от духоборов, которые, тяготея к замкнутости, пришли опять к обрядам, хотя и видоизмененным. Утрата миссионерского духа непременно ведет к замкнутости и обрядности. Григорий Сковорода не выпускал из рук Библии, не прекращал благовествования и общения с простым народом; он никогда не имел и мысли обогащаться. На своей могиле он просил сделать следующую надпись: «Мир ловил меня, но не поймал». Ему дано было знать о времени

собственной кончины. Он сам вырыл себе могилу, одел белую льняную рубаху, лег на лавку, скрестил руки на груди и умер тихо.

Труд его не был тщетен пред Господом. Столько библейских истин посеял Григорий Сковорода в сердцах украинских крестьян и проповедовал им такую любовь к Богу и Божиему Слову, что он очень близок и молоканам, непосредственным предшественникам евангельских христиан-баптистов, т.е. близок и нам. Те места, по которым прошел этот великий Божий человек, станут в свое время очагом евангельского пробуждения.

В светской литературе Григорий Сковорода так часто и привычно рассматривался как философ, гуманист «просветитель, что и в наши дни в протестантской литературе его не видят как нашего брата, евангелиста, миссионера, библейского богослова, чье наследие заслуживает самого сердечного внимания. Ему были открыты многие истины Писания, он видел, что вечное духовное начало обуславливает вечность и неуничтожимость материи, видел, что «одного места граница есть она же и дверь, открывающая поле новых пространностей, и тогда же зачинается цыпленок, когда портится яйцо».

Все его учение проникнуто сознанием того, что христиане живут как бы в двойном измерении, в двух мирах: материальном и духовном, земном и небесном. Он видел, что «в великом и в малом мире вещественный вид дает знать об утаенных под ним формах или вечных образах». Он понимал, что у человека — совершенно особенное положение в сотворенном мире: «познать себя» — это значит познать в себе настоящего, истинного, по Христу, человека и действовать как настоящий, истинный человек.

Его советы очень практичны: он видит, что у каждого человека есть «сродный труд», несущий в себе «увеселение сердечное», которое «тем слаще, чем сроднее», и что «подобное к подобному ведет Сам Бог». Но из этого практического, как бы совершенно «земного», мирского совета Григорий Сковорода делает «небесный» вывод:

Дух духа творит! «Рожденное от Духа есть дух».

Григорий Сковорода видит все человечество как бы в странствии, в пилигримстве, отсюда его удивительное толкование слов Христа: «Где труп, там соберутся орлы». Он видит итог этого странствия, когда «смрадная содомская пища да будет пожрата славою нетленною, силой Воскресения и высокими Вечного мыслями, будто бы свыше налетевшими орлами. Сей горный орел перерождает нас, творя из плоти духов своих... из скотов и зверей — человеками».

Так в вере и труде Григория Сковороды соединяются вера и труд духоборов, молокан и наши с вами! И мы воистину видим, что у Бога не остается бессильным никакое Слово.

Молокане

Молокане это непосредственные предшественники баптистов. Молоканство — это вершина русского библейского богословия до евангельского пробуждения. Молокане выделились из духоборов в 70-х годах

XIX века. Их обособление произошло на почве разного отношения к Библии.

Мы видели уже, с каким трудом Божие Слово пробивалось к русским людям. Для православных иерархов Библия не являлась единственным авторитетом, более того, к ней относились с великой опаской, и ее не дозволялось читать «своим умом». Мы знаем, сколько препятствий возникало на пути исправления рукописных текстов и издания всей Библии. Библия приходила в противоречие с традициями и мировоззрением власть имущих, «учителей народа», точно так же, как учение Христа во дни Его жизни на земле имело сильнейшую оппозицию в лице официальных «служителей Божьих», а на деле — жрецов, заботящихся только о своем авторитете. Как написано: «Предали Его из зависти». Так и в описываемое время иерархи не хотели, чтобы Господь властвовал над Своим народом, но желали сами властвовать над ним.

Этот же порок — недоверие к Божию Слово и опаска по отношению к нему — стал характерным и для духоборов уже во второй половине XVIII века, хотя они были вначале наставлены именно в Слове Божиим через начитанного и широко образованного Силуана Колесникова. Но уже следующий за ним Илларион Побирохин установил в качестве основного догмата духоборов:

«Спасение идет от Духа, а не по книге печатной». Он не поощрял чтение и изучение Библии и даже называл ее «большой хлопотницей». Он призывал основываться не на Библии, а на так называемом «внутреннем просвещении», на совести.

На этой почве и произошло отделение от духоборов той их части, которая признавала за истину только написанное в Библии, а остальное считала «вымыслом человеческим». Организатором и руководителем этого отделения был портной Семен Уклеин, зять Иллариона Побирохина (Тамбовская губерния). Он был одаренным проповедником, был начитан в Писании и приобрел большой авторитет среди духоборов. Отделившаяся группа называла себя «духовными христианами» по давней русской традиции, которая противопоставляла обряду действие Слова Божиего и Духа Святого на душу верующего. Молоканами их впервые назвала Тамбовская" духовная консистория в 1785 году за то, что они, не соблюдая постов, пьют молоко. Они согласились с этим прозвищем, приняли его, утверждая, что «возлюбили чистое словесное молоко», о котором говорится в Слове Божиим (1 Пет. 2:2), чтобы от него возрасти им во спасение. Семен Уклеин не отрицал «внутреннего просвещения» через откровение, но требовал проверять его Библией. Так же, как и духоборы, молокане учили, что люди не должны властвовать над теми, в кого вселилось учение Христово. Поэтому истинные христиане должны избегать рабства у помещиков, военной службы, присяги, участия в войне. Молокане вдохновлялись мыслью о том, что они создают Царство Божие на земле и не должны «сообразоваться с веком сим».

Но в учении молокан были и свои особенности, которые отличали их от духоборов. Молокане уповали на спасение по заслугам Сына Божия, были уверены, что божественное учение очищает верующего от греха и неверия, дает ему «духовное помазание». Для молокан стало великим и радостным

открытием, что Бог есть любовь, а не только грозный Судия, что Благая Весть Евангелия написана и для простого народа, а не только для священников и помещиков, что Евангелие открывает для них возможность новой, чистой и святой жизни. Но и над ними довлело православное учение о спасении, т.е. они не приняли спасение как дар.

В молоканах обновился миссионерский дух первых духоборов, и их учение широко распространялось, особенно с тех пор, как в конце 70-х годов прошлого века Семен Уклеин с 70 учениками вошел в Тамбов для открытой проповеди этого учения. Он был немедленно арестован, а позже, во избежание новых преследований, начал свои странствования с проповедью по губерниям:

Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Астраханской. То же самое делали и его ученики; именно благодаря им молоканство было принесено на Дон, Кавказ и в Сибирь. Молоканство распространилось также в Курской, Харьковской, Рязанской, Пензенской, Нижегородской и Симбирской губерниях. Это были все те же самые губернии, где развивалось и движение духоборчества.

Устройство молоканских общин было таково, что они признавали как руководителей в вере только старцев, на основании 1 Петра 5:1-5: «...Младшие, повинуйтесь пастырям...» Как проходили их собрания и каковы были реальные результаты действия Слова Божия на бывших темных и неграмотных крестьян, рассказывается в документальной повести Веры Шельпяковой «Молокане», написанной со слов ее отца: «Недалеко от Саратова жил со своей семьей Мартын, крепостной помещика Н. Мартын часто ездил в Саратов — возили с приказчиком помещичью пшеницу. Ночевали постоянно в доме одного молоканина, где безопасно было хранить выручку за пшеницу, где не было спиртного и лошадей кормили досыта. В зимние вечера в этом доме собирались люди, читали Евангелие и пели псалмы. Мартын жадно слушал и только дивился всем этим словам. Новый мир открывался перед ним, и он глубоко задумывался».

Затем описывается, как сам Мартын организовал такое же собрание у себя в деревне, в своем доме.

«В зимние вечера, когда зажигали лучины, просторная изба Мартына наполнялась людом. Его младший сын Кузьма по складам читал Евангелие, повторяя одни и те же тексты по много раз, а слушатели шепотом повторяли за ним, желая запомнить святыя слова. Затем Мартын запевал псалом "Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться". Каждое слово пелось долго, тщательно выводилась каждая буква. После пропетого слова Мартын подсказывал следующее, и все подхватывали. Пели благоговейно, тихо, спокойно, сидя рядом на скамейках: "Го-о-о-о-спо-о-о-о-дь".

...Прошло немного времени, и в душах ревностных посетителей избы Мартына проснулись ростки новой жизни. Крестьяне перестали бить своих жен и животных, враждовать с соседями, красть и пить. Крестьянки оставили злобу и перестали злословить о своих мужьях, невестках и детях. Вместо ссор по вечерам слышалось пение да дружное гудение прялок, и мир Божий воцарился в семьях».

Спустя недолгое время начались преследования: молокан Поволжья сослали на Кавказ. Правительство не делало различий между молоканами и духоборами. Но при Александре I молоканам было разрешено открыто исповедовать свою веру.

Интересный рассказ о вере молокан содержится в книге Риченды Скотт «Квакеры в России», когда двое квакеров, Греллет и Аллен, встретились в Симферополе с молоканами. Они нашли, что молокане во многом похожи на лучшую часть духоборов. Далее Р. Скотт пишет: «Молокане также называли себя "духовными христианами" и также пострадали от православной церкви. Многие из них, особенно казаки, которые тоже входили в их общину, перенесли многолетнее тюремное заключение, но сохранили свои убеждения и не изменили тем верованиям, которые выработали самостоятельно, читая и изучая Писание».

«...Эти бедные люди, — писал Аллен, — никогда не слыхали о таком обществе, как наше ("Друзья" или квакеры), и однако под воздействием Духа Святого пришли, в значительной степени, к тем же понятиям и свидетельствам среди того мрака, который их окружал».

В 1867 году другие квакеры, Робсон и Харвей, тоже имели сильное побуждение посетить молокан, на этот раз — на севере Азова. Молокане не решались собираться вместе открыто, но с наступлением темноты они прокрадывались в дом одного из них, чтобы встретиться с английскими гостями, и толпа из 70 — 80 человек набивалась в один дом, едва освещенный одной свечой. С помощью переводчика "Друзья" передали им свое послание ободрения, где подчеркнули, что религиозная жизнь коренится в личном опыте обитающего в нас Святого Духа и что богослужение, таким образом, происходит в духе и истине, а не в пустоте формального вероисповедания. Однажды "Друзей" представили замечательному и глубоко уважаемому руководителю секты, которому было 107 лет. Тем не менее этот уважаемый человек самостоятельно прошел от дома больше километра, чтобы приветствовать "Друзей", и рассказал им много историй о тех преследованиях, которые он перенес тридцать лет назад за то, что отказался поклоняться иконам. Все его имущество было конфисковано, и он подвергся строгому тюремному заключению.

Он также рассказал историю о происхождении молокан: «Около ста лет назад русский генерал Тверщиков был послан Екатериной II в Лондон по общественным делам, и там он и его младший офицер познакомились с квакерами и приняли их веру. Генерал должен был много времени проводить при дворе и не решился говорить о своей новой вере. Зато его младший офицер поделился этими новостями в своей родной деревне. Одним из первых его обращенных стал портной, Семен Уклеин, человек с некоторым образованием, сделавшись впоследствии главным апостолом новой веры. Он обращал целые деревни, и крестьяне под влиянием его учения выносили свои священные иконы, чтобы сжечь их, хотя поклонение иконам эти люди впитали с молоком матери. Затем последовали отлучение и тюремное заключение, пока весть об этом не достигла ушей Екатерины. Она приказала молоканам прислать ей в

письменном виде основные принципы вероисповедания и, прочитав их, объявила, что их принципы взяты из Библии и что преследования нужно прекратить. Для молокан настали мирные времена, и многие из них стали преуспевающими земледельцами, владельцами многочисленных стад. Они отказались от табака и алкоголя... При Николае I сектанты опять подверглись преследованиям и по приказу царя были сосланы на Кавказ».

«Друзья» побывали на собрании молокан в Одессе; такие собрания «проходили в частном доме, в пригороде. Читались части Писания на славянском языке, потом их же пели, а также за ними следовали другие молитвы».

Таковы немногие свидетельства о молоканах, данные устами верующих людей.

В молоканстве, как и в духоборчестве, действительно есть черты, роднящие их с английскими квакерами, и особенно это учение о «внутреннем свете», о роли добрых дел и о духовном понимании оставленных Христом заповедей крещения и хлебопреломления. Ранние квакеры больше походили на духоборов, с их отрицанием «печатной книги» и утверждением одного лишь духовного руководства, а более поздние — на молокан, с благоговением относящихся к Слову Божию, к Библии. Как мы видим из этих свидетельств, молоканство несколько раз переживало подъемы и спады в своей религиозной жизни. Так, например, особое оживление среди молокан произошло в 30-е годы XIX века в связи с эсхатологическими ожиданиями того времени и появлением множества лжепредтеч, лжехристов и лжепророков. Молокане из различных губерний потянулись в Закавказье, где, по пророчеству, в 1836 году должно было открыться тысячелетнее царство. Среди молокан тоже объявились «пророки», таким был в начале века Исая Крылов, он даже ездил в Петербург с прошением присвоить ему звание «первосвященника церкви духовных христиан». Он, конечно, такого звания не получил, но с большим рвением распространял молоканское учение и свои пророчества. За это его арестовали и засекли кнутом...

Молоканство можно назвать мистико-рационалистическим направлением в развитии русской религиозной жизни. Молокане близко подошли к центральной теме евангельского благовестия, но остановились перед ней:

они и не помышляли о новом человеке, рожденном от Слова Божия и Духа Святого. Но они явились благодарнейшей почвой для проповеди баптистов, и именно с них начнется евангельское пробуждение в России, и именно из их числа выдвнутся первые баптистские руководители: организаторы общин, миссионеры, проповедники, пресвитеры. Это Никита Воронин, первый молоканин, крещенный по вере, Василий Павлов, сказавший о себе:

"Русский баптизм — это я!" Это братья Мазаевы, это семья Прохановых, давшая нам впоследствии руководителя евангельских христиан в Петербурге, это Казаковы, сын которых станет композитором, регентом, поэтом, проповедником и преподавателем на курсах евангельских христиан.

Молокане тысячами перейдут в баптизм, принеся с собой серьезность, основательность, высокие нравственные качества и выносливость в гонениях. Молокане вобрали в себя все достижения русской умственной религиозной мысли, которая родила «духовное христианство», торжество духовности над обрядностью, утверждение превосходства человеческого нравственного достоинства над символическими знаками, освобождения церкви от внешних уз. Молокане осуществили в своей общинной жизни то руководство Библии, которое не удалось их предшественникам. Об этом могли только мечтать Федор Курицын, Матвей Башкин, Иван Федоров. Молокане сделали основой своих богослужений чтение и изучение Библии, а также послушание Божию Слову. Они были людьми «книжными», образованными. Они создали церковь как союз единоверцев, а также успешно осуществляли нестяжательное и учительное руководство ею. Русский баптизм многим обязан молоканам как своим предшественникам, которые связали его со всей историей русского религиозного поиска.